

Боевые действия на Черноморской береговой линии в начале 1840-х гг.

Краснодарский край
Российская Федерация

Начало 1840 года вписано кровавыми строками в летописях ее, вследствие происшедших в это время страшных событий. Сильный голод от неурожая хлеба в горах и вытекавшее из него желание горцев овладеть нашими прибрежными укреплениями, в надежде воспользоваться провиантскими в них складами, произвели небывалое дотоле волнение умов между всеми племенами Западного Кавказа. Виновником и душою этого волнения был, известный своей решимостью, Хаджи-Берзек, один из почетнейших дворян убыхского народа, стоявшего с давних времен во главе всего адыгского племени. Угрозами и красноречием он сумел живо подстрекнуть всех закубанских горцев к вооруженному восстанию против русских. Поклявшись в непримиримой к нам вражде, горцы твердо решились, во что бы то ни стало, уничтожить все русские укрепления, построенные в их землях, и говорили так: «пусть русские делают десанты и строят новые укрепления; мы будем, между тем, брать старые; мы знаем, что противиться сильным отрядам невозможно, особенно при содействии им флота; лучше дадим русским волю строить укрепления, которые мы все-таки, впоследствии времени, возьмем». Таковы были решимость и самонадеянность наших неприятелей. Между тем, положение дел наших на Западном Кавказе в это время было самое печальное. Почти все укрепления Черноморской береговой

линии, построенные на скорую руку из местных материалов и, сверх того, лишенные должной обороны против неприятеля, приходили в разрушение, а гарнизоны их, изнуряемые болезнями от губительного климата, находились в весьма слабом состоянии, далеко недостаточном для противодействия неприятелю. Однако, не взирая на все это, слабые числом, но мощные духом, гарнизоны этих укреплений бодрствовали на столько, на сколько позволяли силы человеческие, и с мужеством, достойным русских войск, вступали в кровавый бой с многочисленным неприятелем, а в случае невозможности дальнейшего сопротивления, умирали славной смертью, взрывая на воздух укрепления, под развалинами которых погребали вместе с собой и своих врагов. Безнадежное положение укреплений Черноморской береговой линии вынуждало начальствовавших на оной лиц давать своим подчиненным весьма точны, резко очерчивающий характер кавказской войны, инструкции, на случай нападения горцев. Приводим для примера одну из них; вот ее, содержание: «я совершенно уверен, что ваш гарнизон, при нападении неприятеля на вверенное вам укрепление, будет драться до последней капли крови... Если же, не смотря на всю храбрость гарнизона, вы увидите, что неприятель своей многочисленностью превозмог и что уже нет никаких средств к его отражению, то, сражаясь до последней капли крови, должно, напоследок, взорвать пороховой погреб, дабы этим лишить неприятеля возможности приобрести значительное количество артиллерийских снарядов и нанести ему вред, который немедленно от взрыва порохового погреба произойдет». Первые наступательные действия свои горцы открыли в начале февраля 1840 года. Отраженные, 5-го февраля, храбрым гарнизоном форта Головинского, горцы, 7-го февраля, напали на форт Лазарев и овладели им, после получасового сопротивления, оказанного слабым гарнизоном из 78-ми человек. Через несколько дней, а именно, 29-го февраля, горцы, в числе 700 человек, собрались, среди белого дня, перед фортом Вельяминовским, гарнизон которого состоял из двух рот Черноморского линейного № 5-го батальона (ныне 3-й батальон Крымского пехотного полка) и 2-й гренадерской роты Навагинского пехотного полка, в числе около 400

человек. Отвергнув сделанное неприятелем предложение о сдаче, гарнизон предпочел славную смерть и, после ожесточенного сопротивления, пал весь в неравном бою с горцами, потерявшими до 900 человек убитыми и ранеными. Ободренные этими успехами огромные толпы горцев, до 11000 человек, 22-го марта осадили укрепление Михайловское, имевшее в гарнизоне своем 1-ю гренадерскую роту Тенгинского и 6-ю мушкатерскую Навагинского пехотных полков и две роты Черноморского линейного № 5-го батальона. В этих четырех ротах состояло под ружьем всего только 480 человек. Воинский начальник этого укрепления, Черноморского линейного № 5-го батальона, храбрый штабс-капитан Лико, приготовился к мужественной обороне. По его предложению, принятому единодушно всеми чинами гарнизона, решено было взорвать пороховой погреб, в случае неудачи отражения неприятельского нападения. Горцы бросились на штурм. Убийственный огонь крепостных орудий не в состоянии был остановить дерзкого и отважного неприятеля. После двух-часовых усилий, горцы овладели валом и готовились ворваться в укрепление; но, опрокинутые в ров штыками гарнизона, принуждены были отступить. Тогда конные горцы, наблюдавшие в некотором расстоянии за ходом дела, начали рубить шашками отступавших сородичей своих, чем и принудили их возобновить штурм; малочисленный гарнизон, утомленный рукопашным боем, был сбит с вала и оттеснен во внутренность укрепления, где еще несколько минут продолжалась слабая перестрелка. Тогда, видя решительную невозможность дальнейшего сопротивления, рядовой 1-й гренадерской роты Тенгинского пехотного полка Архип Осипов взорвал пороховой погреб. Вместе с остатками гарнизона погибли и горцы, ворвавшиеся в укрепление. Эта неудача не остановила дерзости горцев. 30-го марта они в огромных силах явились перед укреплением Николаевским и овладели им почти без всякого сопротивления со стороны изнуренного болезнями гарнизона, состоявшего из одной роты Черноморского линейного № 1-го батальона (ныне первый же батальон Крымского пехотного полка), под начальством штабс-капитана Евсеева. Следует заметить, что еще 28-го марта, по распоряжению начальника Черноморской кордонной линии, генерал-

майора Заводовского, в укрепление Николаевское приходил довольно значительный отряд наших войск, под начальством подполковника Табанца, который, произведя рекогносцировку окрестностей этого укрепления и не открыв нигде следов неприятеля, в ночь на 29-е число, ушел обратно на Кубань; а 30-го марта горцы овладели укреплением. Из сказанного выше о печальном положении дел наших на Западном Кавказе ясно видно, что причины разгрома горцами этих четырех укреплений заключались не в недостатке мужества и стойкости их защитников; оба эти качества составляют неотъемлемую принадлежность русских войск, и в особенности тех из них, которые провели на Кавказе по несколько лет и имели случай хорошо ознакомиться с духом своих противников. С твердостью древних спартанцев, злополучные гарнизоны этих укреплений переносили все невзгоды отшельнической жизни и вражды с горцами. Напротив того, причины эти следует искать совершенно в других обстоятельствах, которых гарнизоны этих укреплений не в силах были ни предупредить, ни во время отклонить от себя. В подтверждение этого стоит только внимательно рассмотреть состояние этих укреплений и их гарнизонов не за долго до разразившейся над ними катастрофы. Контр-адмирал Серебряков, обзревавший в январе месяце 1840 года все укрепления Черноморской береговой линии, по поручению начальника оной, генерал-лейтенанта Раевского, доносил ему, между прочим, о тогдашнем их состоянии следующее: «... В укреплении Михайловском бойницы совершенно разрушились и не могут быть исправлены, пороховой погреб обвалился, наружная штукатурка строений везде обвалилась... болезненность довольно сильна... внутренняя каменная одежда бруствера везде рассыпается, по самому свойству местного камня». «... Верки форта Вельяминовского, еще в прошлом году находившиеся в самом жалком положении, теперь пришли в совершенный упадок; бруствер почти по всему протяжению так осыпался, что самые туры, а по недостатку оных поставленные порошки от продуктов бочки, повалились в ров; внутренняя сырцовая одежда бруствера также почти везде отстаёт, падает и засыпает банкеты; гарнизон так слаб, что не

успевают даже расчищать обрушившиеся части; пороховой погреб совершенно разрушился; горцы окрестных ущелий не укрощаются, они продолжают оказывать свою ненависть, часто даже днем подъезжают конные осматривать укрепление и постоянно завязывают перестрелки с командами, посылаемыми из укрепления в лес за дровами. Смертность второй половины прошлого года, была неимоверна: с 1-го августа 1839 года по 1-е января 1840 года, умерло в трех ротах 144 человека.«... В форте Лазарева все строения находятся в весьма неисправном состоянии: в казармах страшная сырость и течь; вид людей изнеможенный, слабый и болезненный; запас аптечных медикаментов давно истощен; палительного фителя и картечи ближней дистанции не состоит вовсе. Горцы оказывают неприязнь, часто беспокоя гарнизон нападениями на команды, высылаемые из укрепления в лес, за дровами и для пастьбы скота».В одинаковом состоянии находилось и Николаевское укрепление, расположенное в ущелье реки Абина, в 15-ти верстах от укрепления того же имени (там, где ныне Шапсугская станица). Вследствие губельного для здоровья людей климата, в гарнизоне Николаевского укрепления почти не было ни одного здорового человека, способного в критическую минуту защищаться от неприятельского нападения. Вообще, в это тяжелое время, начальники отделов Черноморской береговой линии громко заявляли о недостатках и беспомощном положении вверенных им укреплений.«Не имея средств к подкреплению гарнизонов укреплений», доносил начальник 2-го отделения этой линии, генерал-майор Ольшевский, начальнику оной, генерал-лейтенанту Раевскому, от 4-го марта 1840 года, № 38 , «я не могу скрыть, что не ручаюсь ни за одно из укреплений, начиная от форта Головинского до Гагр включительно. Укрепление Навагинское хотя сильнее других, но оно подвержено стрельбе из орудий с окружающих высот; форт Головинский и укрепление Св. Духа имеют такую слабую профиль, что весьма легко взбежать на крону бруствера; Гагры окружены старыми изгнившими турами».В другом рапорте своем, от 25 -го апреля 1840 года, № 159, он выражался так: «для защиты укрепления Гагры, в настоящем его положении, нужен гарнизон в 500 человек старых солдат (а не

в 367, из которых на половину больных), потому что нечего надеяться на туры; надобно больше штыков». Начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии, контр-адмирал Серебряков, в рапорте своем начальнику оной от 29-го марта 1840 года № 818, следующими словами описывает новое положение вверенных ему укреплений: «после всех моих донесений, мне ничего более не остается сказать, как только повторить, что все укрепления находятся в одинаковом положении и что всех их ожидает одна участь, если немедленно и значительно не будут усилены гарнизоны оных». В другом рапорте, от 2-го апреля 1840 г., № 879, донося о взятии горцами Николаевского укрепления, он присовокуплял «... все воинские начальники требуют усиления людьми, и если вы их в этом отношении не обеспечите, то нет сомнения, что печальным известиям не будет конца». В скором после того времени, а именно в июне месяце 1840 года, командир отдельного кавказского корпуса, генерал от инфантерии Головин, обозрев лично укрепления Черноморской береговой линии, убедился, что причины разгрома некоторых из них горцами заключались именно в слабости их гарнизонов и в неправильности их постройки. Приводим краткую выписку из донесения этого генерала военному министру: «укрепления Черноморской береговой линии, построенные по правилам полевых, должны бы иметь для обороны своей вдоль банкета по человеку на каждый шаг, или по меньшей мере, на каждые полтора шага; кроме того, вторую шеренгу за банкетом, по тому же расчету, и в резерве третью шеренгу, т.е. 1/3 из всего гарнизона. Принимая, на сем основании, в расчет наименьшее число людей, надлежало бы иметь в фортах: Вельяминовском 1620 человек, в Лазаревском 1530 человек и в Михайловском 1600 человек. Между тем, из отчетов за март месяц видно, что в течение зимы и весны нынешнего года состояло: в Вельяминовском 224 человека, в Лазаревском 78 и в Михайловском 480. Следовательно, все число гарнизонов береговых укреплений, заключавшееся в 2776 человек вместо 25980 человек, составляло девятую только часть против того, что надлежало бы иметь по правилам инженерного искусства, для обороны полевых укреплений». В течение марта и апреля месяцев горцы хотя и покушались штурмовать

укрепления Черноморской береговой линии, но всегда были отражаемы гарнизонами их, усиленными, по возможности, свежими войсками. Спасение некоторых наших укреплений Черноморской береговой линии, в это время, следует приписать тому счастливому случаю, что генерал-лейтенант Раевский имел возможность взять, для их подкрепления, из гор. Севастополя несколько батальонов из полков 5-го пехотного корпуса и несколько рот Тифлисского и Мингрельского егерских полков, находившихся на работе в Абхазии. Раздраженные этими неудачами, сопряженными всегда с большими потерями людей, огромные толпы абадзехов, шапсугов и в особенности натухайцев, простиравшиеся численностью до 12000 человек, двинулись вторично в землю шапсугов на наши сообщения с Черноморьем и 24-го мая собрались на реке Кунипсе, в урочище Перу, в нескольких часах пути от Абинского укрепления. 26-го мая, в два часа пополудни, все это огромное скопище горцев, под предводительством первостепенного натухайского дворянина, Мамсыра-Супако, с криком и выстрелами бросилось на приступ Абинского укрепления, гарнизон которого, незадолго до того, по возможности, усиленный, был в совершенной готовности к отражению неприятеля. Град пуль, ручных гранат и картечи, производя в толпах врагов страшное опустошение, не в состоянии был остановить их дерзости и дикой стремительности. Имея впереди себя панцырников, горцы с явным пренебрежением смерти спускались в ров и с изумительной легкостью вскакивали на бруствер укрепления, но мгновенно были опрокидываемы назад или истребляемы штыками его храбрых защитников. Наконец, с 1-го бастиона огромная толпа горцев с распущенными двумя знаменами, преодолев отчаянные усилия гарнизона, ворвалась во внутренность укрепления. Воинский начальник последнего, полковник Веселовский, личным присутствием своим везде ободрявший гарнизон, с единственным резервом из 40 человек, бросился на эту толпу в штыки и, после жестокой рукопашной схватки, отбил оба знамени (одно из этих знамен: голубое принадлежало натухайцам, а другое, разноцветное, шапсугам) и прогнал горцев за укрепление. Этот подвиг начальника воспламенил в высшей степени

мужество гарнизона. Горцы, решительно на всех пунктах штурма, были отбиты и, после трехчасового кровавого побоища, начали общее отступление, потому что самые отчаянные троекратные приступы убедили их в невозможности овладеть укреплением. Горцы оставили в наших руках 10 человек раненых, а в укреплении, во рвах оно и за укреплением найдено 685 неприятельских тел. Кроме того, нужно полагать, что горцами вынесено из боя убитых и раненых вдвое более этого числа. Потеря наша заключалась в 9-ти убитых и 18-ти раненых нижних чинах. Гарнизон Абинского укрепления состоял: из двух рот Черноморского линейного № 1-го батальона (ныне 1-й батальон Крымского пехотного полка), трех рот Навагинского и 1-й роты Тенгинского пехотных полков и небольшой команды 11-й артиллерийской бригады № 1-й роты. Из них участвовало в бою: штаб-офицеров 1, обер-офицеров 14, унтер-офицеров 75, музыкантов 30, рядовых 713 (в том числе 37 человек артиллерийской прислуги при орудиях) и нестроевых 25. В числе нестроевых помещены писаря и денщики, так как, по малочисленности гарнизона, и для них нашлось место в бою. Барабанщик Черноморского линейного № 1-го батальона Иван Задорожный, с ружьем в руках, действуя штыком и прикладом, был примером неустрашимости для своих товарищей; получив сильную рану, он до конца боя не оставлял своего места. Император Николай I щедро наградил славных защитников Абинского укрепления. Военский начальник оно, полковник Веселовский и все офицеры, в награду мужества и храбрости, получили следующие чины, ордена и годовые оклады жалованья. Некоторые из нижних чинов тоже получили двойные и тройные награды; наиболее отличившимся из них Высочайше пожаловано 30 знаков отличия военного ордена, сверх 85 таковых же, полученных по представлению начальства. Блистательное отражение Абинского штурма имело свою долю влияния на водворившееся вскоре спокойствие на Западном Кавказе. В самом деле, из внимательного обзора происшествий в этом крае можно вывести положительное заключение, что совершенный горцами разгром некоторых из наших укреплений в районе Черноморской береговой линии, и мужественный отпор, данный первым гарнизонами сих последних,

убедили, с одной стороны, наше правительство в неправильности принятой системы обороны при первоначальной постройке этих укреплений, а с другой стороны, явив горцам в полном блеске силу духа и непоколебимую стойкость в боях кавказских войск, отбили у них на долгое время охоту отваживаться на такие предприятия, как штурм русских укреплений. Одни только убыхи, самый воинственный народ из всего адыгского племени, покушались еще делать нападения на наши укрепления, а именно: в 1842 году на укрепление Навагинское, а в 1844 и 1846 годах на Форт Головинский, но всегда безуспешно, потому что все укрепления Черноморской береговой линии были приведены в лучшее и надлежащее состояние и, по возможности, усилены гарнизонами.

Автор: Васильев Е.

